

Реакция Николаса была словно у человека, которого ожидают обнять при каждой встрече. — Что за жизнь у тебя была до этого? — Николас с любопытством наблюдал за мальчиком. — Давным-давно я столкнулся с мантикорой. Ее жало стало моим проклятием. Слезы Феникса спасли меня от смерти. До сих пор не знаю, почему он решил меня исцелить, — рассказал Николас, глядя на Гарри. — Но как ты узнала, что это произошло со мной? — Гарри нахмурился, не понимая, откуда у Перенель такая информация. — Терпение, Гарри, — Перенель слегка рассмеялась, — я дойду до этого. Просто подожди. Когда Гарри кивнул в знак согласия, Перенель продолжила: — Вскоре после этого мой народ, хоть и владел магией, но был невероятно суеверен. В разгар засухи они решили, что лучшее решение — принести жертву богам. Гарри потрясенно поднял брови, но благоразумно промолчал. Перенель улыбнулась, одобряя его молчание, а затем усмехнулась: — Они попытались провести ритуал, чтобы принести мою душу в жертву духам погоды, в обмен на прекращение засухи. Это был невероятно болезненный опыт, я чувствовала, как мой разум вырывают из тела. Но ритуал был прерван, когда появился Николас. Мой герой. Николас слегка фыркнул, привлекая внимание Гарри, но Перенель продолжала, будто не замечая этого. — Он пришел, чтобы спасти меня. Хотя, конечно... мог бы все продумать лучше. Его план побега немного провалился. Николас покраснел и опустил глаза, пробормотав с наигранной сварливостью: — Можно подумать, что после стольких лет ты забыла об этом. — Милый, ты решил поджечь луг, где меня держали, — Перенель рассмеялась, в голосе слышалась нежность, — сухую траву... в разгар засухи. Жители деревни убежали от огня, а Николас освободил Перенель. Но к тому времени, как он ее освободил, они уже были окружены огнем. — Пламя загнало нас в ловушку, но прежде чем оно нас поглотило, я почувствовала нарастающее напряжение, и вдруг... вспыхнула, — Перенель встретила ровный взгляд Гарри, — и в одно мгновение мы были там, а в другое — за много миль от огня и нашей деревни. — Пламя, — Гарри заявил, что объяснение не требуется. Перенель снова рассмеялась, а Николас нахмурился: — Перенель тоже так это называет! — Ты еще не придумал лучшее название, которое не было бы набитым ртом, — Перенель фыркнула, — "Зажигательное явление" просто надоедает повторять снова и снова. Гарри даже немного посмеялся над этим, но затем снова стал серьезным: — Как давно это было? Перенель и Николас обменялись взглядами, которые были гораздо более трезвыми, чем их веселье минутной давности. — Это было очень давно. Но именно так мы тебя нашли. Мы, такие как мы, можем... слышать? Или, может быть, лучше сказать — чувствовать. Мы можем почувствовать, когда кто-то вспыхивает, и с опытом можно довольно хорошо отслеживать это. Это как маяк. Именно так мы тебя и нашли. Гарри слегка нахмурился и наклонил голову, пытаясь осмыслить сказанное. — Значит... откуда вы знаете, что одно связано с другим? Перенель с любопытством наклонила голову в ответ на этот вопрос. — У тебя есть другая теория? Гарри слегка нахмурился, а затем пожал плечами: — Я думал, что это как-то связано с одной из моих форм анимага. — Форм, во множественном числе? То есть у тебя больше одной формы анимага? И в твоём возрасте? — Николас подался вперед с удивленным выражением лица. Гарри перевел взгляд с одного человека на другого и только потом неохотно кивнул: — Я старше, чем кажусь. У меня две формы. Да, я знаю. Я урод. — Он слегка закатил глаза от шока, выраженного на их лицах. — Почему наличие двух форм как-то связано со способностью к пламени? — Голос Николаса звучал спекулятивно. Но голос Перенель прозвучал раньше, чем Гарри успел ответить: — Феникс... — Она глубоко вздохнула, в ее тоне слышалось одновременно и потрясение, и благоговение. В то время как выражение лица Николаса было просто шокированным. Гарри было неловко смотреть на их оценку после такого заявления, но он слегка кивнул. — Я принял зелье и узнал о своих формах почти через год после того, как научился пламенеть. — За всю историю было зарегистрировано только три магических анимага, — задумчиво произнес Николас. — А какая у тебя другая форма? — Перенель с нетерпением задала вопрос. Гарри слегка нервно передернулся: — Моя другая форма не такая уж удивительная. Это черная пантера. Ничего магического в ней нет. Гарри прекрасно понимал, насколько редким явлением является магическая форма анимага. Однако

он уже давно не задумывался о своих формах. Когда он находился в другом мире, его тело было слишком повреждено, чтобы превращение могло принести какую-либо пользу. Травмы не исчезали при переходе из одной формы в другую. Пантера была бесполезна с искалеченной ногой. Форма феникса была не столь бесполезна с покалеченной ногой, он все еще мог летать, хотя приземление было большой проблемой. Кроме того, при переключении у него оставался только один глаз, что полностью лишало его возможности воспринимать глубину, и после неоднократных экспериментов, когда он летел головой в землю, Гарри списал его со счетов. Выражения их лиц остались шокированными, поэтому Гарри слегка пожал плечами: — Как я уже сказал, это была моя теория. Судя по вашему выражению лица, у вас нет формы анимага? Перенель покачала головой: — Николас помог создать зелье, но у меня его нет, а он верит, что его форма — рыба, поэтому он не прилагал никаких усилий, чтобы действительно измениться. — При этих словах она слегка ухмыльнулась, глядя на своего мужа. — Он ненавидит плавать. — Может быть, пламя — это то, что могут делать только некоторые люди. Это может быть магический дар, например, метаморфаг или что-то в этом роде. Это была теория... — Гарри прервал себя, чтобы добавить последние слова, но "которую придумала Гермiona" все равно пронеслось у него в голове. Николас кивнул с довольной улыбкой на лице, стирая шок от откровений Гарри и смущение от жены. Ему было приятно, что, возможно, несмотря на свою осторожность, Гарри не принял объяснение автоматически, не подумав об альтернативных вариантах. — Мы живем очень долго, и такое случалось лишь несколько раз. Всего шесть раз за всю историю, или, если считать тебя, семь раз. И в каждом из них были одни и те же три вещи. Гарри задумчиво кивнул: — Яд, свежие слезы феникса и магия души. Несмотря на то, что Гарри всё ещё сомневался, не связано ли это с его формой феникса, он не мог отрицать того факта, что Флэмелы с легкостью вычленили события из его жизни, просто благодаря одной из его способностей. — Неудивительно, что Гермiona никогда не могла этого сделать, — прошептал Гарри, задумчиво глядя в пространство. Николас терпеливо ждал, предоставляя юному волшебнику время осмыслить услышанное. — Эта комбинация, — продолжил он, — по всей видимости, вызывает изменения в людях, порождая некоторые... эффекты. Некоторые физические. Некоторые... не очень. Взгляд Гарри устремился к Николасу, словно пытаясь прочесть его мысли. — Что вы имеете в виду? Какие ещё изменения он вызывает? — спросил Гарри, его голос звучал напряженно. Николас и Перенель переглянулись, их взгляды, казалось, говорили: «Осторожно, не говори лишнего». — Прости за временную грубость, — медленно произнес Николас, — но на вопрос лучше отвечать вопросом. Скажи мне, Гарри, что ты знаешь о нас? Я имею в виду, о Фламелях. Гарри нахмурился, озадаченный внезапной сменой темы. — Я знаю, что вы старше шестисот лет. Николас работал с Дамблдором над двенадцатью вариантами использования драконьей крови. Николас изобрел философский камень. Тебя ужалили до или после того, как он его изобрёл? — Гарри изо всех сил старался не выдать своего отвращения к Дамблдору, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь еще, связанное с Фламелями. Николас тихонько захихикал и откинулся в кресле. — Кто-то знает свои карты с шоколадными лягушками, — заметил он, не упуская из виду, как Гарри понизил голос при упоминании имени Дамблдора. Гарри покраснел, но не стал отрицать очевидного. Однако выражение лица Перенель было серьезным, когда она смотрела на Гарри. — Гарри, — начала она, — Николас изобрёл философский камень в XIV веке, и это был результат долгой и упорной работы. Более дюжины веков исследований и экспериментов, проведенных почти исключительно Николасом. — С большой помощью моей жены! — быстро вставил Николас, чем вызвал небольшую улыбку у Перенель и растерянность на лице Гарри. — Как же ты смог сделать это почти в одиночку, если на это ушли столетия? — спросил Гарри, нахмурившись. На этот раз Николас ответил серьезно: — Гарри, если верить современному календарю, мы с Перенель существуем почти с 3000 года до нашей эры.